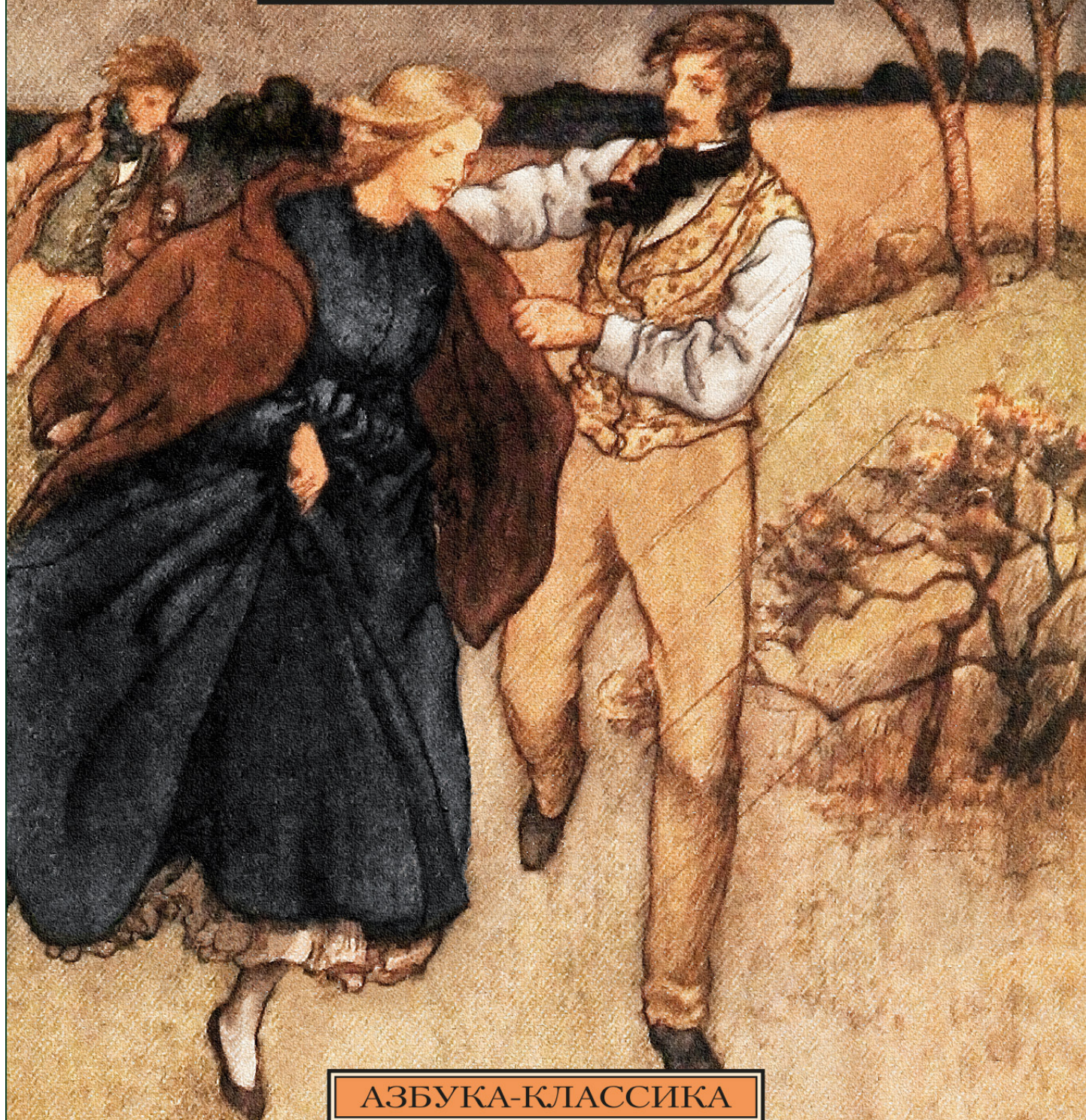

ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛЛ

Мортон-Холл
Кузина Филлис

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Элизабет Гаскелл

Мортон-Холл. Кузина Филлис

«Азбука»

1853, 1864

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Гаскелл Э.

Мортон-Холл. Кузина Филлис / Э. Гаскелл — «Азбука», 1853,
1864 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-25187-8

«Кузина Филлис» – последний завершённый роман английской писательницы Элизабет Гаскелл, который считается одним из высших ее достижений; это трогательный и грустный рассказ о любви и обманутых надеждах, в котором нет дидактического пафоса, но есть акварельная прозрачность и точность в описании тонких душевных переживаний главных героев. Повесть «Мортон-Холл» – история старинного английского замка и нескольких поколений его хозяев, история, в которой во всей полноте проявился дар Гаскелл как увлекательной рассказчицы, которую по праву называют прекрасной Шахерезадой английской литературы. В сборник также включены «Откровения мистера Гаррисона» – полная юмора и иронии повесть о злключениях молодого холостяка, который приехал из Лондона в провинциальный английский городок, чтобы заняться врачебной практикой, и неожиданно обрел сразу трех невест... В настоящем издании произведения Элизабет Гаскелл публикуются в новых переводах.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-25187-8

© Гаскелл Э., 1853, 1864
© Азбука, 1853, 1864

Содержание

Кузина Филлис	7
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Элизабет Гаскелл

Мортон-Холл. Кузина Филлис

Elizabeth Gaskell

MORTON HALL. COUSIN PHILLIS

© А. В. Глебовская, перевод, 2024

© Н. Ф. Роговская, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

Элизабет ГАСКЕЛЛ
1810–1865

Кузина Филлис

Часть первая

Впервые покинуть отчий дом и поселиться вдали от родителей – большое событие в жизни юноши. Невозможно описать, как доволен и горд я был в свои семнадцать, став хозяином треугольной каморки над кондитерской в Элтеме¹, главном городе одного из наших северных графств! В тот день после обеда отец оставил меня там одного, на прощание сделав несколько простых по сути, но внушительных по тону наставлений, дабы я не сбился с пути в своей новой, самостоятельной жизни. Меня определили в помощники к инженеру, подрядившемуся проложить короткую железнодорожную ветку из Элтема в Хорнби. Место я получил стараниями отца, и по статусу оно было выше того положения, какое занимал он сам, вернее сказать – выше того, какое обыкновенно занимает человек его происхождения и воспитания, ибо отец мой в глазах сограждан с каждым годом становился все более заметной и уважаемой фигурой. Механик по профессии, он был прирожденный изобретатель, невероятно настойчивый в достижении цели, благодаря чему сумел внедрить несколько важных усовершенствований для железных дорог. Изобретал он отнюдь не в погоне за прибылью, хотя от вознаграждения, которое ему по праву причиталось, благоразумно не отказывался. Вы спросите, что, если не деньги, побуждало его воплощать в жизнь свои замыслы? Отец объяснял это просто: пока идея не реализована, она не дает ему покоя ни днем ни ночью. Впрочем, довольно о моем дражайшем батюшке. Добавлю только, что счастлива та страна, где много подобных ему.

Отец был потомственный и убежденный индипендент². Именно этим обстоятельством объясняется его решение поместить меня в комнатухе над кондитерской: лавку держали родные сестры нашего приходского пастора, и одно это должно было уберечь мою нравственность от соблазнов города, когда у меня появится возможность безнадзорно распоряжаться собой и своим жалованьем – без малого тридцать фунтов в год!

Поездке в Элтем отец отвел целых два драгоценных дня и даже надел по такому случаю свое лучшее платье. Сперва он препроводил меня в контору, где познакомил с моим новым начальником (который считал себя обязанным отцу за какую-то своевременную техническую подсказку), затем мы нанесли визит пастору небольшой элтемской общины индипендентов, после чего отец спешно простился со мной. Как ни жаль было расставаться, я втайне радовался, что отныне сам себе господин. Распаковав плетеный короб с провизией, которую собрала для меня матушка, и обнюхав горшочки с припасами, я ощутил себя полноправным хозяином несметных богатств, которыми можно распоряжаться по собственному усмотрению. Прикидывая в уме, на сколько потянет домашняя ветчина, я уже предвкушал нескончаемые пиршества, но главное удовольствие, повторяюсь, мне доставляла мысль, что всеми этими яствами я могу лакомиться когда захочу, без спросу и оглядки на других, пусть даже согласных мне потакать. Съестные припасы я убрал в маленький угловой буфет: моя каморка сплошь состояла из углов, и, соответственно, все помещалось в углу – камин, окно, шкаф, – а в центре помещался только

¹ По мнению английских комментаторов, в описании Элтема Гаскелл опирается на свои воспоминания о Натсфорде – городке в графстве Чешир на северо-западе Англии, где выросла писательница.

² *Индипенденты* – приверженцы радикального конгрегационалистского направления в английской Реформации и влиятельная сила Английской революции, когда их лидером был Оливер Кромвель. Выступали против единой национальной церкви за союз независимых общин верующих; отвергали институт духовенства как иерархически организованного, обладающего особыми правами сословия: каждая община вправе сама избирать себе пастора, учителя, старейшин и диаконов, и все без исключения должны жить трудами своих рук. После реставрации Стюартов (1660) подвергались гонениям, но с 1689 г. при Вильгельме III вновь получили признание.

я сам, да и то с трудом. Откидной стол примостился прямо под окном, выходящим на рыночную площадь, так что моим предполагаемым ученым занятиям, ради которых отец раскошелся на жилье с «гостиной», грозила нешуточная опасность – попробуйте не отвлечься от книг на кипучую жизнь уличной толпы! Завтракать и обедать я должен был вместе с двумя престарелыми сестрами Доусон в их крошечной столовой позади треугольной лавки внизу, а вечерний чай или ужин устраивать самостоятельно, поскольку никто не знал наперед, в какое время я буду приходить со службы.

Эйфория, вызванная горделивой радостью недавно оперившегося юнца, вскоре сменилась тоскливым чувством одиночества. Я был единственным ребенком в семье и никогда раньше не жил вдали от дома; и, хотя на словах отец был сторонником сурового правила: «Кнута пожалеешь – испортишь дитя»³, он всем сердцем любил меня и, сам того не замечая (если бы заметил, первый осудил бы себя), обходился со мной исключительно мягко. Матушка же, напротив, никогда не высказывалась в пользу жестких мер, однако держала меня в строгости; наверное, просто потому, что мои детские проказы досаждали ей больше, чем ему... Так или иначе, я хорошо помню, как горячо она заступалась за меня повзрослевшего, когда однажды я повел себя, на взгляд отца, неподобающим образом – нарушил бескомпромиссные отцовские принципы.

Но сейчас речь не об этом. Я ведь намерен рассказать о кухне Филлис, а сам еще даже не объяснил, кто она такая.

В первые месяцы моей жизни в Элтеме новое чувство ответственности за порученное дело и столь же новое состояние независимости целиком захватили меня. В восемь утра я приступал к работе в конторе, в час шел домой обедать и к двум возвращался на рабочее место. В отличие от утренних, послеобеденные часы складывались по-разному – иногда я продолжал заниматься бумагами, а иногда сопровождал главного инженера мистера Холдсворта на тот или иной участок строящейся линии между Элтемом и Хорнби. Последнее доставляло мне неизмеримо большее удовольствие. Во-первых, эти поездки вносили приятное разнообразие в повседневную рутину; во-вторых, позволяли обозревать окружающие пейзажи (очень живописные, с обилием дикой природы); и в-третьих, предоставляли мне возможность насладиться обществом мистера Холдсворта, которого я по-мальчишески боготворил. Это был молодой человек лет двадцати пяти, стоявший значительно выше меня по рождению и образованию; к тому же он успел поехать по Европе и в его усах и бакенбардах угадывался иностранный лоск. Я очень гордился, что меня видят в компании с ним. Во многих отношениях он и в самом деле был превосходный малый, мне повезло попасть в его руки, другой начальник мог оказаться куда как хуже.

Каждое воскресенье по настоянию отца я писал домой отчет обо всем, что произошло за истекшую неделю; но жизнь моя была настолько однообразна, что подчас я не знал, чем заполнить письмо. По воскресеньям я дважды в день посещал молитвенное собрание в темном узком переулке – слушал заунывные гимны, и долгие молитвы, и нескончаемую проповедь. В малочисленной элтемской общине я был лет на двадцать моложе самых молодых из прихожан. Иногда наш пастор мистер Питерс после второй службы звал меня к себе на чай. Как же я тяготился этой честью! Весь вечер сидеть на краешке стула и отвечать на многозначительные вопросы, задаваемые утробным басом, пока часы не пробьют восемь (время домашнего молебна), и тогда в дверях, разглаживая на животе передник, появится хозяйка миссис Питерс в сопровождении единственной служанки... И пошло-поехало: сперва проповедь, потом чтение главы из Писания, потом предлинная импровизированная молитва... Наконец какой-то внутренний голос шепчет мистеру Питерсу, что пора ужинать, и мы поднимаемся с колен,

³ «Spare the rod, and spoil the child» (*англ.*) – вошедшая в поговорку строка из иронической поэмы Сэмюэла Батлера «Гудибрас» (1663–1678), высмеивавшей фанатизм и ханжество пуритан.

преисполненные единственного чувства – голода! За трапезой хозяин позволял себе немного опроститься и отпускал одну-другую тяжеловесную шутку, желая, вероятно, показать мне, что духовные пастыри – тоже люди. В десять я мог идти домой, в свою треугольную каморку, и там наконец-то беззастенчиво зевать, предвкушая долгожданный сон.

Дина и Ханна Доусон (так значились их имена на вывеске над входом в лавку, хотя я всегда звал их соответственно мисс Доусон и мисс Ханна) считали, что приглашение домой к мистеру Питерсу – величайшая честь, какой только может удостоиться юноша вроде меня: обладая столь великой привилегией, надо быть поистине современным Иудой Искаротом, чтобы не заслужить спасения души! А вот насчет моего тесного общения с мистером Холдсвортом... Тут сестры сокрушенно качали головой. Меня же переполняла благодарность к этому джентльмену. И однажды, отрезая сочный ломоть ветчины, я размышлял, как славно было бы пригласить его к себе на чай, особенно теперь, когда под окном шумит ежегодная элтемская ярмарка и площадь пестрит разноцветными палатками, каруселями, странствующим зверинцем и прочими провинциальными увеселениями, на которые я в свои семнадцать лет смотрел раскрыв рот. Но стоило мне издали завести разговор о своем желании, как мисс Ханна мигом раскусила меня, осудив греховные зрелища и прибавив что-то про тех, кого вечно тянет валяться в грязи⁴; потом она ни с того ни с сего перескочила на Францию и богомерзких французов, растлевающих всех, кто хоть однажды ступил на их землю. Сообразив, что ее праведный гнев неуклонно устремляется к одной цели и что цель эта – мистер Холдсворт, я почел за лучшее поскорее доесть свой завтрак и убраться подальше. Вот почему через несколько дней меня так изумил случайно подслушанный разговор двух почтенных сестриц: обе радостно подсчитывали доход от ярмарочной недели и соглашались друг с другом, что кондитерская на углу рыночной площади – очень неплохая вещь. Однако позвать к себе мистера Холдсворта я все же не решился.

О первом годе моего пребывания в Элтеме рассказывать, в сущности, больше нечего. Но в канун девятнадцатилетия, когда я начал подумывать, не отпустить ли и мне бакенбарды, состоялось мое знакомство с кузиной Филлис, о чьем существовании я до той поры ни сном ни духом не ведал. Мы с мистером Холдсвортом на целый день уехали в Хитбридж и трудились не покладая рук. Хитбридж находится неподалеку от Хорнби, из чего легко можно заключить, что к тому времени наша ветка была проложена уже больше чем наполовину. Помимо всего прочего, вылазка за город давала столь необходимый мне материал для еженедельных писем домой, и на сей раз я много места уделил описанию природы (обычно такой грех за мной не водился), поведав отцу о зарослях болотного мирта⁵ и полях мха – о зыбкой почве, по которой нужно было тянуть железную дорогу; о том, как мы с мистером Холдсвортом ходили обедать в близлежащую живописную деревушку (собственно Хитбридж), поскольку нам пришлось заночевать и остаться на второй день; и о том, что я надеялся еще не раз повторить свое путешествие, ибо коварная местная почва заводила в тупик наших инженеров: стоило им приподнять один конец полотна, как другой немедленно проваливался вниз. (Из сказанного несложно заметить, что меня мало заботили интересы акционеров; от нас лишь требовалось обеспечить устойчивость новой ветки до того момента, пока железнодорожный узел не введен в строй.) Все это я изложил подробнейшим образом, радуясь, что наконец-то нашлось чем заполнить пустые страницы.

Из родительского ответа я узнал, что троюродная сестра моей матери замужем за пастором индипендентской общины Хорнби, и звать его Эбенезер Холмен, и живет он в той самой деревне Хитбридж, которую я описал, по крайней мере так полагает моя матушка. Сама она

⁴ См. слова апостола Петра о лжепророках и лжеучителях: «Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья идет валяться в грязи» (2 Пет. 2: 22).

⁵ Имеется в виду восковник болотный, или восковница (*лат. Myrica gale*).

никогда не встречалась с кузиной Филлис Грин, но, по мнению моего батюшки, вышеупомянутая кузина – в каком-то смысле богатая наследница, ибо ее отец Томас Грин владеет полусотней акров земли и все его состояние когда-нибудь перейдет к единственной дочери. По-видимому, название Хитбридж сильно возбудило родственные чувства матушки; и отец передал мне ее просьбу: когда я снова окажусь в тех краях, навести справки о преподобном Эбнезере Холмене и, ежели он и впрямь живет там, спросить, не женился ли он в свое время на девице Филлис Грин, и ежели на оба вопроса мне дадут утвердительный ответ, то пойти к нему и отрекомендоваться сыном Маргарет Мэннинг, урожденной Манипенни. Я проклинал себя и тот час, когда обмолвился о Хитбридже. Знать бы наперед, чем это обернется для меня! Одного пастора-инdependента более чем достаточно для любого нормального человека, ворчал я про себя, но мне выпала особая честь не только знать мистера Доусона (то бишь каждое воскресное утро штудировать с ним катехизис), пока я жил в отчем доме, но еще и выказывать почтение старику Питерсу в Элтеме и по пять часов кряду сидеть тише воды, ниже травы в ожидании обещанного чая. И вот теперь, когда я полной грудью вдохнул вольного воздуха Хитбриджа, мне приказано разыскать очередного пастора, который, чего доброго, тоже начнет устраивать мне допрос и читать наставления – или заманит к себе «на чаек»! Кроме того, я совсем не хотел навязываться незнакомым людям, никогда, быть может, не слыхавших фамилию моей матери (престранную, к слову сказать, – Манипенни!)⁶; но даже если они что-то слышали, скорее всего, им не было никакого дела до моей матушки, как и ей до них, пока мне не стукнуло в голову обмолвиться про Хитбридж.

При всем том я не собирался идти наперекор родителям из-за такого пустяка, хоть и крайне досадного для меня. Вскоре дела снова привели нас в Хитбридж, и за обедом в тесной трапезной деревенского трактира я улучил минуту, когда мистер Холдсворт зачем-то вышел, и задал румяной девчонке-подавальщице те самые вопросы, которые мне велели задать. Либо я неясно выразился, либо девчонка была глупа как пробка: сказала, что ничего не знает, но спросит у хозяина. Засим, разумеется, появился трактирщик, пожелавший услышать из первых уст, чего мне угодно. Пришлось повторить свои вопросы, уже в присутствии мистера Холдсворта, который, думаю, не придал бы им никакого значения, если бы я не краснел, не путался и не запинался на каждом слове – если бы, короче говоря, сам не выставил себя дурнем.

Трактирщик подтвердил, что ферма с названием «Надежда» имеется в Хитбридже, и владеет ею мистер Холмен, пастор-инdependент, и жену его вроде бы зовут Филлис. Ее девичья фамилия Грин – это факт.

– Родственники? – поинтересовался мистер Холдсворт.

– Нет, сэр... просто дальняя родня моей матери. Ну да, выходит, что родственники. Только я их в глаза не видывал.

– До фермы отсюда рукой подать, – подойдя к окну, услужливо сообщил трактирщик. – Вон, гляньте-ка, за той клумбой с мальвой терновник в саду, видите? А выше пучок чудных каменных труб. Это и есть их «Надежда». Ферма старая, но Холмен ведет свое хозяйство как надо.

Мистер Холдсворт проворнее меня встал из-за стола и подошел к окну посмотреть. Услышав последнюю реплику трактирщика, он с улыбкой обернулся ко мне:

– Согласитесь, крепкий хозяин – редкая птица среди сельских священников!

– Прошу прощения, сэр, но я уж скажу по-своему: *пастор* Холмен! Для нас священник – служитель Англиканской церкви, и нашему настоятелю обидно было бы слышать, если бы кто-то назвал этим словом раскольника. Так вот, пастор Холмен с хозяйством управляется не хуже заправского фермера. Пять дней в неделю трудится на себя и два – на Господа Бога; и еще

⁶ Пародийно звучащая, но реально существующая английская фамилия, составленная из двух близких по значению слов «деньги» и «пенни»; возможно, возникла как прозвище богатея или (иронично) неимущего.

неизвестно, какому труду отдает больше сил. По субботам и воскресеньям он пишет проповеди и посещает свою паству в Хорнби, а в понедельник с пяти утра встает за плуг и пашет, как простой неученый крестьянин... Но у вас обед стынет, джентльмены!

Мы вернулись за стол, но через некоторое время мистер Холдсворт нарушил молчание:

– На вашем месте, Мэннинг, я бы навестил родственников. Сходите хоть поглядите на них, пока мы ждем сметы от Добсона, а я посижу в саду, выкурю сигару.

– Благодарю, сэр. Но я их совсем не знаю и не уверен, что хочу узнать.

– Тогда к чему было спрашивать о них? – Он быстро взглянул на меня. (Мистер Холдсворт не признавал бесцельных слов и поступков.) Я ничего не ответил, и он продолжил: – Ну же, решайтесь! По крайней мере, посмотрите, что представляет собой этот пастор-пахарь. Потом расскажете, любопытно будет послушать.

Я привык во всем подчиняться ему, его авторитет и влияние были столь велики, что я беспрекословно отправился выполнять поручение, хотя мне легче было бы взойти на эшафот. Трактирщик, по обычаю всех деревенских трактирщиков наостривший уши, проводил меня к выходу и несколько раз повторил, куда и как идти, словно я мог заблудиться по дороге длиной двести ярдов! Но я терпеливо слушал его указания, радуясь любой отсрочке, чтобы собраться с духом, прежде чем ни с того ни с сего предстать перед незнакомыми людьми.

Итак, я нехотя побрел по проселочной дороге, сшибая прутиком верхушки сорной травы, и за первым или вторым поворотом увидел перед собой ферму. От тенистого, поросшего травой проселка фермерский дом был отделен садом; впоследствии я узнал, что у домочадцев он назывался «двор» – вероятно, потому, что был обнесен низкой стеной с решеткой поверху. Большие двустворчатые ворота с колоннами, увенчанными каменными шарами, соединялись с парадным входом мощеной дорожкой. Однако обитатели дома, как правило, не пользовались ни импозантными воротами, ни парадной дверью; вот и в тот день ворота оказались заперты (хотя дверь была открыта настежь). Я пошел в обход вдоль ограды по едва заметной в траве тропке, миновал каменный монтуар⁷, поросший очитком и желтой хохлаткой, и наконец увидел другую дверь (как я потом узнал, хозяин прозвал ее «викарной», а парадный – «помпезный» – вход величал «ректорским»)⁸. Я постучался. Мне открыла высокая девушка примерно моего возраста; она молча смотрела на меня, дожидаясь моих объяснений – кто я и зачем пожаловал. Я как сейчас вижу ее – мою кузину Филлис. Она стоит передо мной в лучах предвечернего солнца, которое разрезает полумрак у нее за спиной косою полоской света.

На ней было простое синее платье с длинными рукавами и вырезом под горло; края рукавов и горловину украшали скромные оборки из той же материи, оттенявшие белую кожу – до того белую, что и сказать нельзя! Ни раньше, ни позже я ни у кого не видел такой белизны. Волосы у нее были светло-желтые, с золотистым отливом. Она смотрела на меня прямым, открытым взглядом, и в ее крупных невозмутимых глазах читался лишь закономерный вопрос, но отнюдь не испуг при виде незнакомца. Помню, я удивился, что такая взрослая и рослая барышня носит поверх платья маленький детский передник.

Пока я соображал, как лучше ответить на ее немой вопрос, у нее за спиной раздался женский голос:

– Филлис, кто там? Если пришли за пахтой, пусть обождут у черного хода.

Я решил, что правильнее будет говорить не с девушкой, а с обладательницей этого голоса, поэтому молча шагнул вперед и стал на пороге, снявши с головы шляпу. За порогом находился холл, или, скорее, некая общая комната, где семья собирается по вечерам. Маленькая бойкая

⁷ *Монтуар* – подставка, небольшой помост в виде одной или нескольких ступенек для облегчения посадки на лошадь.

⁸ В англиканстве «*ректор*» (rector) – приходский священник; «*викарий*» (curate) – второй, младший священник прихода, помощник приходского священника.

женщина лет сорока утюжила муслиновые шейные платки возле высокого, увитого плющом окна. Хозяйка смерила меня подозрительным взглядом.

– Меня зовут Пол Мэннинг, – представился я, но тут же понял, что мое имя ни о чем ей не говорит. – Моя матушка в девичестве носила фамилию Манипенни... Маргарет Манипенни.

– Ну конечно! Она же вышла за Джона Мэннинга из Бирмингема! – всплеснула руками миссис Холмен. – Так вы ее сын? Садитесь, садитесь! Дайте посмотреть на вас. Подумать только, у Маргарет взрослый сын! Кажется, она сама только вчера играла в куклы. Хотя... когда это было? Ох, да уж двадцать пять лет назад! Что же привело вас в наши края?

Она тоже уселась, словно под тяжестью любопытства, чтобы услышать от меня про все двадцать пять лет, миновавшие с их последней встречи. Ее дочь Филлис вернулась к своему вязанию (помнится, это был длинный серый мужской чулок). Работала она споро, не глядя на спицы, и меня не оставляло ощущение, что ее глубокие серо-голубые глаза прикованы ко мне, но когда я украдкой взглянул на нее, она внимательно рассматривала что-то на стене над моей головой.

Расспросив меня обо всем, что ее интересовало, миссис Холмен протяжно вздохнула и покачала головой:

– До сих пор не верится, что к нам пожаловал сын Маргарет Манипенни! Жаль, пастора нет сейчас дома. Филлис, ты не знаешь, на каком поле сегодня работает отец?

– На пятиакровом. Там началась жатва.

– Коли так, он будет недоволен, если за ним послать. Иначе непременно познакомила бы вас. Пятиакровое поле далеко отсюда. Но я не отпущу вас из дому, пока не выпьете рюмочку вина с кексом. Говорите, у вас мало времени? А то останьтесь, пастор обычно заглядывает домой около четырех, когда у работников перерыв.

– Да, мне пора... Я и так уже засиделся.

– Ладно. Филлис, возьми-ка ключи. – Мать шепнула дочери на ухо какие-то распоряжения, и та вышла за дверь.

– Выходит, она кузина мне? – уточнил я, хотя это было очевидно, просто я не знал, как иначе перевести разговор на девушку.

– Да... Филлис Холмен. Одна она у нас... теперь.

По этому «теперь» и облачку печали, на миг затуманившему ее взор, я догадался, что у четы были и другие дети.

– А сколько лет кузине Филлис? – спросил я, рискнув назвать ее по имени и тотчас оробев от своей фамильярности.

Однако миссис Холмен ничего не имела против и дала мне исчерпывающий ответ:

– В прошлый Майский день исполнилось семнадцать... Ой, пастор запрещает упоминать Майский праздник⁹, – спохватилась она, боязливо озираясь по сторонам. – Первого мая Филлис исполнилось семнадцать, – повторила она с учетом необходимой поправки.

«А мне в следующем месяце исполнится девятнадцать», – сам не знаю почему подумал я, и тут вошла Филлис с подносом.

– Мы держим служанку, – доложила мне миссис Холмен, чтобы я не подумал, будто ее дочь всегда прислуживает гостям, – просто сегодня она занята – сбивает масло.

– Мне это совсем не в тягость, мама, – заверила Филлис спокойным звучным голосом.

Я почувствовал себя ветхозаветным персонажем – как бишь его звали? – которому прислуживает хозяйская дочь. А может быть, я всего лишь Авраамов раб, которому Ревекка дала напиток из колодца? И я подумал, что Исаак много потерял, когда не сам отправился добы-

⁹ *Майский день*, или *Майский праздник* начала весны (вместе с предшествующей ему Вальпургиевой ночью – с 30 апреля на 1 мая), – пережиток язычества и как таковой осуждается христианством; был запрещен в период пуританского республиканского правления в Англии (1649–1660).

вать себе жену¹⁰. Разумеется, у Филлис не могло возникнуть подобных мыслей. У этой статной, грациозной молодой женщины была наивная душа ребенка, под стать ее полудетскому наряду.

Как меня учили, я поднял тост за здоровье моей новообретенной родственницы и ее мужа, а после и за здоровье кузины Филлис, слегка поклонившись в ее сторону. От смущения я не решился посмотреть на нее и проверить, как она приняла мои слова.

– Теперь мне уже точно пора, – сказал я, вставая со стула.

Ни одна из дам не пригубила вина, хотя миссис Холмен из вежливости отломала кусочек кекса.

– Жаль, что вы не застали пастора, – повторила она и тоже встала.

Я же втайне радовался, что не застал его. В ту пору я не жаловал пасторов, а этот был особенно подозрителен, если запрещал вслух упоминать Майский день. Однако в дверях миссис Холмен взяла с меня слово приехать снова в ближайшую субботу и остаться у них на воскресенье – тогда-то я уж определенно не разминусь с пастором!

– Лучше в пятницу, если сможете! – крикнула она мне вслед, стоя в проеме «викарной» двери и рукой прикрывая глаза от низкого вечернего солнца.

Кузина Филлис не двинулась с места. В дальнем углу затененной плющом комнаты разливалось волшебное сияние от ее золотистых волос и ослепительной белой кожи. Она только посмотрела на меня и невозмутимо произнесла «до свидания».

К моему возвращению мистер Холдсворт уже впрягся в работу, ежесекундно отдавая распоряжения строителям, но, когда выдалась свободная минута, поинтересовался:

– Ну что, Мэннинг, как вам ваша новая родня? Как совмещаются в одном лице землепашец и проповедник? Если этот ваш пастор крепок не только верой, но и делом, я готов его уважать.

Он был слишком занят, чтобы внимательно слушать мой ответ. К тому же ответил я с заминкой, нарочито уклончиво, упирая главным образом на приглашение явиться снова.

– Ну разумеется, поезжайте... В пятницу, если хотите. Почему бы и не на этой неделе? Вы заслужили отдых, дружище.

Мне совсем не хотелось ехать на день раньше и тем растягивать свой визит, но, когда наступила пятница, я неожиданно для себя обнаружил, что еще меньше мне хочется оставаться в Элтеме, поэтому я воспользовался разрешением мистера Холдсворта и отправился на ферму, прибыв туда уже под вечер, позже, чем в прошлый раз. Викарная дверь была открыта. Стояла мягкая сентябрьская погода, за день солнышко так прогрело воздух, что на улице казалось теплее, чем в доме, хотя в камине на раскаленных углях медленно тлело толстое полено. За минувшие дни листья вьюна за окном стали чуть желтее и на некоторых появилась сухая бурая кромка. Миссис Холмен сменила утюг на швейную иглу и, устроившись возле крыльца, починяла рубашку. Филлис по-прежнему что-то вязала в своем углу – можно было подумать, будто она всю неделю не вставала с места. На заднем дворе разгуливали курицы-пеструшки, выклевывая из земли какие-то зерна; поблескивали дочиста вымытые и развешанные кверху дном большие молочные бидоны. Передний двор-сад утопал в цветах – они заползли на низкую стену ограды и каменный монтуар, а часть самосевом проросла в траве по обеим сторонам тропы к черному ходу. А запах!.. Наверное, мой выходной костюм на месяц вперед пропитается ароматами шиповника и ясенца, невольно подумалось мне. Время от времени миссис Холмен запускала руку под крышку корзинки, стоявшей у ее ног, и бросала пригоршню зерна голубям, которые нетерпеливо ворковали, гукали, хлопали крыльями и перепархивали с места на место в ожидании очередной порции угощения.

¹⁰ См. Быт. 24. Желая найти подходящую жену для сына своего Исаака, праотец Авраам снарядил в путь своего верного раба, который в дальних краях встретил у колодца Ревекку и, получив соответствующее знамение от Господа, привел ее к Исааку.

Завидев меня, хозяйка поднялась мне навстречу.

– Голубчик, вот это славно... это по-родственному! – повторяла она, горячо пожимая мне руку. – Филлис, кузен Мэннинг пришел!

– Пожалуйста, зовите меня просто Пол, – попросил я. – Дома все зовут меня по имени. По фамилии – только в конторе.

– Ну, Пол так Пол. Я уже и комнату для вас приготовила. Так и сказала пастору: «Приедет он в пятницу или нет, а комнату я приготовлю». А пастор ответил, что ему надо быть на Ясеновом поле, приедете вы или нет. Но он обещал вскорости вернуться – узнать, не появились ли вы. Идемте, я провожу вас в комнату, приведете себя в порядок с дороги.

Когда я снова спустился, мне показалось, что миссис Холмен не знает, как меня занять; возможно, ей просто было скучно со мной, а может быть, я помешал каким-то ее планам. Так или иначе, она кликнула Филлис, велела дочери надеть капор и прогуляться со мной до Ясенового поля, к отцу. Мы подчинились. Мне хотелось произвести на девушку благоприятное впечатление – и одновременно хотелось, чтобы она была поменьше ростом, хотя бы не выше меня! Словом, я разволновался, и, пока гадал, с чего начать беседу, Филлис сама заговорила со мной:

– Полагаю, вы почти все дни проводите в трудах, кузен Пол.

– Да, в конторе нужно быть к половине девятого, днем перерыв на обед, и через час снова за дело – до восьми или девяти.

– Наверное, времени для чтения почти не остается.

– Да, почти, – согласился я, внезапно осознав, что не всегда с пользой провожу свой досуг.

– Мне тоже не хватает времени. Отец привык вставать за час до выхода в поле, но мама не велит мне подниматься в такую рань.

– А моя матушка вечно будит меня спозаранку, не дает вволю поспать.

– Когда же вы встаете?

– Ох!.. В половине седьмого! Правда, не каждый день, – уточнил я, припомнив, что за все прошлое лето я только дважды поднимался в такой час.

Она повернула голову и пристально посмотрела на меня:

– Отец встает в три. И мама вставала с ним, пока не заболела. Я сплю до четырех.

– В три! Но для чего, что ему делать в такую пору?

– Как «что делать»? Перво-наперво молитва, духовное упражнение в своей комнате; затем нужно позвонить в большой колокол – созвать людей на дойку; потом разбудить Бетти, нашу служанку. Обычно он еще сам задает корм лошадям, потому что наш конюх Джем уже старик и отец не хочет лишний раз его беспокоить... Заодно осмотрит у лошадок ноги и плечи, проверит подковы, постромки, торбы с сеном и овсом – все, что важно для работы в поле. Может и кнут поправить, если потребуется. Затем проведает свиней, убедится, что они накормлены, заглянет в чаны с помоями... И наконец составит списки – чего и сколько надо приготовить для пропитания людей и живности, чем пополнить запасы топлива. Только после этого, если останется немного времени, отец идет домой и мы с ним вместе читаем – всегда по-английски; латынь оставляем на вечер, чтобы насладиться ею без спешки. В положенный час отец созывает людей на завтрак, собственноручно нарезает им хлеба и сыра, напоминает домашним заполнить свежей водой их деревянные бутылки и отправляет «ребят» на работы. В половине седьмого мы остаемся одни и садимся завтракать... Смотрите, отец вон там! – воскликнула она, указывая на человека в рубашке, который был на голову выше обоих своих спутников. Вид нам частично заслоняла листва ясеней, окаймлявших поле, и я подумал, что обознался: в этом работнике богатырского роста и телосложения я не мог разглядеть ничего общего с обликом смиренного благочестивого пастора, каким я его себе представлял. Однако это и был преподобный Эбенезер Холмен собственной персоной.

Он издали кивнул, завидев нас на жнивье, и я ожидал, что он подойдет поздороваться, но он продолжал отдавать какие-то распоряжения и в нашу сторону не смотрел. Я сразу отметил,

что дочь явно пошла в отца, а не в мать, – унаследовала и его стать, и белую кожу; только у него лицо обветрилось и задубело, а у нее сохранило шелковистую гладкость и блеск. Светлые, некогда желтоватые, как солома, волосы пастора теперь густо поседели. Но в его случае седина не означала упадка сил. Честно говоря, я впервые встретил такого ладно скроенного силача: мощная грудь, сухие бедра, великолепно посаженная голова... Тем временем мы сами приблизились к нему. Он оборвал себя на полуслове и сделал шаг навстречу, протягивая руку мне, но обращаясь к Филлис:

– Вижу, дочка, вижу... Кузен Мэннинг, я полагаю? Обождите минуту, молодой человек, сейчас надену сюртук, чтобы приветствовать вас по всей форме. Сейчас, только... Нед Холл! Без дренажной канавы здесь не обойтись. Не земля, а мокрая глина, вся слиплась. Давай-ка мы с тобой займемся этим в понедельник... Прошу прощения, кузен Мэннинг... Да, вот еще, на доме старика Джема прохудилась крыша. Завтра, пока я буду занят, сможешь ее поправить. – И вдруг, резко сменив тон своего раскатистого баса, так что в голосе зазвучали совсем другие ноты, куда больше подобающие проповеднику и настраивающие на молитвенный лад, неожиданно прибавил: – А теперь споемте «Единогласно славим» на мотив «Ефремовой горы»¹¹.

Пастор приподнял над землей лопату и начал отбивать ею такт. В отличие от меня, оба работника знали слова и мелодию. О Филлис и говорить не приходится: ее звучный голос уверенно вторил ведущему басу отца. Крестьяне подтягивали чуть менее смело, но довольно стройно. Заметив мое молчание, Филлис пару раз бросила на меня удивленный взгляд. Что я мог поделать? Мы впятером стояли посреди сжатого поля с обнаженными головами (Филлис не в счет), на желто-буром жнивье высились скирды хлеба, поодаль с одной стороны темнел лес, где громко ворковали дикие голуби, с другой протянулась ажурная полоса вязов, сквозь которую проглядывала голубая даль. Даже знай я слова и мелодию вечернего песнопения, скорее всего, не смог бы выдать из себя ни звука: в горле стоял ком от охватившего меня необычного чувства.

Гимн допели, работники ушли, а я пребывал в каком-то остолбенении, пока пастор, надевая сюртук, поглядывал на меня с доброжелательным любопытством.

– Сдается мне, джентльмены железнодорожники не имеют привычки завершать трудовой день совместным пением псалмов, – проронил он, – а зря, обычай недурной... право слово, недурной! Нынче мы управились пораньше в вашу честь – закон гостеприимства.

Я не знал, что сказать на все это, и не от отсутствия, а от избытка мыслей в моей бедной голове. Время от времени я украдкой разглядывал своего спутника. Черный сюртук поверх такого же черного жилета; над белоснежной рубашкой выступает ничем не прикрытая мускулистая шея; на ногах серо-коричневые штаны до колена, серые шерстяные чулки (я легко догадался, какой мастерицей они связаны) и подбитые гвоздями башмаки. Шляпу пастор держал в руке – вероятно, ему нравилось, что ветер треплет волосы. Через некоторое время я заметил, что отец взял дочь за руку; так они и пошли домой – рука об руку.

Пересекая деревенский проселок, мы повстречали двух маленьких мальчиков. Один лежал в траве на обочине и плакал навзрыд; другой стоял над ним, засунув в рот палец и молча роняя слезы солидарности. Причина детского горя была очевидна: на дороге в лужице молока валялся разбитый глиняный кувшин.

– Ну-ка, ну-ка, что такое? Рассказывай, что у тебя стряслось, Томми! – сказал пастор, одной рукой подхватив с земли рыдающего малыша.

Томми уставился на него круглыми глазенками, полными удивления, но не страха: по всей видимости, они с пастором были давние знакомые.

¹¹ Гимн «Come all harmonious tongues» поэта-конгрегационалиста *Исаака Уотса* (1764–1748), который занимался стихотворным переложением ветхозаветных псалмов, с тем чтобы в качестве духовных гимнов их можно было исполнять во время богослужения; мелодию к гимну «Ефремова гора» («Mount Ephraim») написал композитор Бенджамин Милгроув (ок. 1770).

– Мамин кувшин! – наконец вымолвил он и снова зашелся в плаче.

– Слезами горю не поможешь – ни кувшин мамин не склеишь, ни разлитое молоко в него не вернешь. Как же тебя угораздило, Томми?

– Мы с ним, – он кивнул на второго мальчугана, – бегали наперегонки...

– Томми хвастался, что обгонит меня, – вставил мальчуган.

– Ума не приложу, как отучить глупых мальчишек бегать наперегонки, когда у них в руках полный кувшин молока, – раздумчиво произнес пастор. – Может быть, просто высечь вас – заодно избавить от неприятной обязанности вашу маму? Если не я, то она! По-другому, боюсь, не получится. – (Дружный рев обоих провинившихся подтвердил высокую вероятность такого прогноза.) – Конечно, я мог бы отвести вас к себе на ферму и дать вам еще молока. Но вы же опять побежите наперегонки, опять все разольете. И к одной белой луже на земле прибавится вторая. Нет, придется все-таки высечь вас. Плеть не мѹка, а вперед наука, верно я говорю?

– Мы больше не будем бегать наперегонки, – пообещал старший из детей.

– То есть превратитесь из мальчиков в ангелов!

– Не превратимся.

– Нет? Почему?

Мальчишки переглянулись в поисках ответа на каверзный вопрос. Наконец один из сорванцов нашелся:

– Ангелы – они же мертвые!

– Ладно, оставим в покое богословие. Что, если я дам вам еще молока и одолжу жестяной бидон с крышкой? Бидон хотя бы не разобьется, но за сохранность молока я не ручаюсь, если вы снова вздумаете бегать друг за другом. Так что смотрите!

Пастор еще раньше выпустил руку дочери и теперь взял за руки мальчишек. Мы с Филлис пошли следом, слушая безостановочный звонкий щебет осмелевших детей, с которыми пастор беседовал, не скрывая удовольствия. На одном из извивов дороги внезапно открылся роскошный вечерний пейзаж в золотисто-багряных тонах. Пастор обернулся к нам и процитировал пару строк на латыни.

– Поразительно, – заметил он, – насколько безошибочны у Вергилия эпитеты – насколько они не подвластны времени! А ведь прошло две тысячи лет, и перед глазами у него была Италия... Но его описание точь-в-точь совпадает с тем, что мы видим здесь, в Англии, в Хитбриджском приходе графства ***!

– Мм, пожалуй, – пробормотал я, стораю от стыда, ибо успел основательно забыть то немногое, что знал из латыни.

Пастор скосил взгляд на Филлис и получил тот отклик, на который я по своему невежеству оказался неспособен: лицо дочери просияло тихой радостью понимания.

«Да это потруднее катехизиса! – подумал я. – Одной зубрежкой тут не отделаешься».

– Филлис, доченька, сделай милость, проводи этих двух героев до дому и расскажи их мамушке про бег наперегонки и разлитое молоко. Мама всегда должна знать правду, – назидательно прибавил он, посмотрев на детей. – Да передай ей, что у меня лучшие березовые розги во всей округе. Если надумает задать трепку озорникам, пусть ведет их ко мне. Зачем ей себя утруждать? Коли виновны, я сам их высеку, может не сомневаться.

Филлис повела детей на задний двор за новой порцией молока, а я через викарную дверь проследовал за пастором в дом.

– Мамаша их гневлива сверх меры, – объяснил он, – за малейшую провинность нещадно лупцует своих чадушек. Ну а я пытаюсь вершить справедливый суд. – Он уселся на трехногий угловой стул возле камина, обвел взглядом пустую комнату и вздохнул: – Где же наша хозяйка?

Пастор привык, что под вечер жена встречает его ласковым взглядом, легким прикосновением, и сейчас ему этого не хватало. Впрочем, не прошло и минуты, как миссис Холмен

присоединилась к нам. И тотчас же, словно позабыв о моем присутствии, пастор принялся рассказывать ей обо всем, что случилось за день. Потом решительно встал и объявил, что должен на время удалиться и привести себя в соответствие со своим «преподобством», после чего мы все сядем пить чай в гостиной.

Гостиной называлась просторная комната с двумя окнами по одной стене; стена напротив примыкала к выложенному плиткой проходу от ректорской двери к широкой лестнице с низкими, до блеска отполированными дубовыми ступенями, которые хозяева явно не видели смысла скрывать под ковровой дорожкой. На полу в центре гостиной лежал вышитый ковер ручной работы. Из прочих украшений назову один или два семейных портрета (довольно странного вида); каминную решетку и щипцы с совком, отделанные латунью; и большую фаянсовую вазу с цветами на постаменте из фолиантов Библии Мэтью Генри¹² – это чудо громоздилось на обеденном столе, придвинутом к стене между окнами. Чай в гостиной устроили в мою честь, и я был премного благодарен хозяевам, хотя впоследствии нисколько не жалел, что удостоился этой привилегии в первый и последний раз. Упомянутая выше общая комната, или столовая, или холл, куда попадали через викарную дверь, была несравнимо уютнее. Почетное место там занимал большой камин с печкой и крюком для чайника, под которым весело горел огонь; на полу лежал малиновый прикаминный коврик; все, чему полагается быть закопченным дочерна, было черным, а все, чему полагается блестеть, блестело; белый кафельный пол, белые занавески на окнах и другие детали обстановки, на которых заметна любая грязь, сверкали безупречной чистотой. Возле противоположной стены, во всю длину комнаты, располагался дубовый стол для игры в шаффлборд¹³ с доской, установленной под таким углом, чтобы опытный игрок сумел послать шайбу в нужное поле. Тут и там стояли корзинки с неоконченной белошвейной работой; на стене висела скромная полка с книгами для чтения – а не для подпи- рания громоздкой вазы с цветами! В тот первый вечер, ненадолго оставшись один в этой комнате, я наугад снял с полки две-три книги: Вергилий, Цезарь, греческая грамматика... Боже, куда я попал! И в каждой на форзаце имя Филлис Холмен! Я поскорей захлопнул книжицы, сунул их на место и отошел подальше. Я так оробел, что боялся приблизиться к кухне Филлис, хотя она всего лишь мирно склонилась над своим рукоделием. Ее волосы показались мне еще золотистее, ресницы длиннее, а гладкая стройная шея белее, чем прежде.

После торжественного чаепития мы вернулись в общую комнату, чтобы пастор мог выкурить трубку, не опасаясь осквернить табачным дымом дорогие камчатные портьеры унылого бледно-коричневого оттенка. Свое «преподобство» пастор Холмен обозначил с помощью небольших изменений в гардеробе, и самым заметным среди них был повязанный на шее пышный белый муслиновый платок – один из тех, которые утюжила миссис Холмен, когда я впервые пришел на ферму. Пыхая трубкой, пастор неподвижно смотрел на меня. Но видел ли меня? Не знаю. Тогда мне думалось, что видит и, полагаясь на какие-то свои критерии, пытается понять, чего я стою. Время от времени он вынимал изо рта трубку, легким постукиванием выбивал из чашечки пепел и задавал мне очередной вопрос. Пока его интерес ограничивался моими познаниями и кругом чтения, я сконфуженно ерзал и мялся, не зная, что сказать. Но мало-помалу он добрался до практических вещей, касавшихся железнодорожного дела, и я наконец почувствовал себя увереннее, потому что был искренне увлечен своей работой (если бы я не отдавался ей целиком, мистер Холдсворт не стал бы терпеть меня подле себя). В те дни я близко к сердцу принимал трудности, с которыми мы столкнулись при прокладке нашей линии: нам никак не удавалось найти в хитбриджских зыбях участок с пригодной твердой почвой. С энтузиазмом развивая эту тему, я не мог не поразиться прозорливости мистера Холмена, иногда

¹² *Мэтью Генри* (1662–1714) – пресвитерианский священник, автор шеститомного «Толкования Ветхого и Нового Заветов» (1708–1710).

¹³ *Шаффлборд* – игра на размеченном столе с помощью металлических дисков или шайб (первоначально – монет), которые толкают рукой.

вставлявшего свой вопрос. Разумеется, он не разобрался во многих инженерных частностях, иначе и быть не могло, но суть дела ухватил очень верно: вот что значит мыслить ясно и рассуждать логически! Филлис – истинная дочь своего отца как внешне, так и внутренне – часто отрывалась от работы, чтобы взглянуть на меня в попытке лучше вникнуть в мои объяснения. И ей это удавалось, я видел. Вероятно, ради нее я старался выражать свои мысли как можно доходчивее и подбирать для них наиболее точные слова. Мне хотелось доказать, что я тоже не лыком шит и кое в чем разбираюсь, хоть и не владею мертвыми языками.

– Что ж, теперь все понятно, – произнес наконец мистер Холмен, – у меня больше нет вопросов. Поздравляю, мой мальчик, в вашем возрасте не всякий имеет свою голову на плечах и рассуждает так ясно и здраво. Откуда у вас такой талант?

– От отца! – с гордостью объявил я. – Он изобрел новый метод сортировки составов. Может быть, видели заметку в «Газетт»?¹⁴ Его изобретение запатентовано. Думаю, нет человека, который не слышал бы о лебедке Мэннинга!

– Помилуйте, мы не знаем, кто изобрел алфавит!.. – сдержанно улыбнувшись, отозвался пастор и снова поднес ко рту трубку.

– Конечно не знаем, сэр, – обиделся я за отца, – когда это было!

Пых-пых-пых.

– Должно быть, ваш батюшка – выдающийся человек. Теперь я припоминаю, что однажды слышал о нем. Немного найдется людей, чья слава докатилась бы до Хитбриджа. Здесь знают лишь тех, кто живет не далее пятидесяти миль от их дома.

– Да, сэр, мой отец – человек выдающийся! Это не только мое мнение, так считает мистер Холдсворт и... и все, кого ни спросите!

– Молодой человек правильно делает, что заступает за отца, – словно бы в мое оправдание сказала миссис Холмен.

Я уже начал сердиться: мой отец не нуждался в заступниках. Его заслуги говорили сами за себя.

– Ну разумеется, – миролюбиво ответил пастор. – Правильно, потому что не кривит душой... и не грешит против истины, я уверен. А то иной раз бывает прямо по пословице «всяк кулик свое болото хвалит». Вскочит молоденький петушок на кучу, хвост распушит и давай во все горло нахваливать своего родителя-петуха, дескать, полюбуйте, какого я славного роду-племени!.. Мне очень хотелось бы познакомиться с вашим отцом, – под конец сказал пастор, посмотрев мне в лицо долгим, доброжелательным, открытым взглядом.

Но я не придавал этому значения, задетый его словами. Он докурил трубку, поднялся и вышел из комнаты. Поспешно отложив рукоделие, Филлис последовала за ним, но через две минуты вернулась и села на место. Вскоре, еще прежде, чем ко мне вернулось доброе расположение духа, дверь отворилась и мистер Холмен пригласил меня пройти в его кабинет. По другую сторону узкого коридора с каменным полом находилась странная многоугольная комнатка площадью не больше десяти квадратных футов – то ли закуток бухгалтера, то ли кабинет хозяина дома: окошко во двор, письменный стол, конторка, плевательница для жевательного табака и стеллаж со старыми богословскими книгами; на другом, поменьше, стояли книжки для фермеров, разъясняющие, как надобно вести хозяйство, вносить в почву навоз, подковывать лошадей и так далее; беленые стены пестрели клочками бумаги с напоминаниями, прикрепленными где облатками, где кнопками или булавками – смотря по тому, что попало под руку. На полу я заметил ящик с набором плотницких инструментов, а на столе – рукописи, заполненные стенографическим письмом.

Хозяин с улыбкой повернулся ко мне:

¹⁴ «Газетт» («The London Gazette») – официальная британская правительственная газета (бюллетень).

– Моя дочь, глупышка, испугалась, что вы на меня обиделись. – Он опустил мне на плечо свою большую сильную руку. – «Не может быть, – сказал я. – Не в обиду сказано – без обиды принято». Ведь я прав?

– Не вполне, сэр, – признался я, обезоруженный его благодушным тоном. – Но впредь так и будет.

– Вот и славно. Вижу, мы с вами подружимся. Честно говоря, я немногих впускаю в свою келью. Но нынче утром я читал одну книгу и зашел в тупик... Книгу доставили мне по ошибке. Я-то подписывался на проповеди брата Робинсона... Но теперь даже рад, что с заказом вышла путаница, ибо проповеди, при всей их... Впрочем, не важно! Я заплатил и за то, и за другое, хотя в итоге мне придется еще какое-то время ходить в старом сюртуке. Такова цена всеядности! При нехватке досуга я вечно ощущаю нехватку книг – мой неумный аппетит к чтению требует все новой и новой пищи. Да, вот она!

Он протянул мне книгу. Это был солидный труд по механике, с обилием технических терминов и довольно сложных математических расчетов. Как ни удивительно, математика не стала камнем преткновения для пастора, и от меня требовалось лишь растолковать ему некоторые технические понятия, что я охотно взялся исполнить.

Пока он перелистывал страницы в поисках того или иного места, вызвавшего у него затруднения, мой взор праздно блуждал по запискам на стене, и одна в особенности привлекла мое внимание. Я не удержался и прочел ее, запомнив на всю оставшуюся жизнь. Сперва я решил, что это просто составленный на неделю вперед календарь неотложных дел, но, приглядевшись, понял, что это нечто иное – программа расписанных по дням недели ходатайственных молитв: в понедельник пастор положил себе молиться о благе своей семьи, во вторник – о недругах, в среду – о единоверцах-индепендентах, в четверг – о прочих христианских церквях, в пятницу – о страждущих, в субботу – о собственной душе, в воскресенье – о возвращении заблудших и грешников на путь истинный.

Нас позвали ужинать, и мы вернулись в общую комнату. Дверь в кухню была отворена. При появлении пастора все находившиеся в обоих помещениях молча встали и все взоры устремились к его могучей фигуре. Положив одну руку на трапезный стол, а другую торжественно воздев, пастор глубоким звучным голосом, хотя отнюдь не громоподобно, без намека на аффектацию, которую кое-кто принимает за набожность, произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.